

ния, которое не было бы лучше, нежели перемены и новшества» (р. 497). Он даже думает, что гугеноты в глубине души сами это понимают, и не верит, чтобы среди них мог «найтись глупец, способный искренне поверить», что, «разрушая государственное правление, власти предержащие и законы», можно «споспешествовать всесвятнейшей любви и правде слова Божия» (р. 798). Последнее слово Монтеня, таким образом, не что иное, как призыв оставить законы и правительство точно в том виде, в каком они сейчас находятся. Поскольку «все равно мы не могли бы вывернуть их наизнанку, чтобы не разрушить всего», главным моральным принципом, который необходимо усвоить, является то, что «благо не обязательно идет следом за злом; за ним может последовать и новое зло, и притом еще худшее» (pp. 730, 732).

Боден и абсолютизм

Вызывая ненависть людей консервативного склада, гугеноты также подвергались после 1572 г. все более ожесточенной критике со стороны авторов, прежде занимавших умеренную или даже радикально конституционалистскую позицию. Наиболее важным теоретиком, изменившим свои взгляды, был, несомненно, Жан Боден, издавший в разгар гугенотской революции в 1576 г. «Шесть книг о государстве». Отказавшись от конституционалистской позиции, которую он занимал в трактате «Метод легкого познания истории», Боден предстает в «Шести книгах» в облике неспигаемого защитника абсолютизма, требуя объявить вне закона все теории сопротивления и признать сильную монархическую власть единственным средством восстановления мира и политического единства.

Боден начинает во многом с того же, с чего начинали рассмотренные выше гуманисты-стоики,

а «Рассуждения» Макиавелли служат очевидным общим источником для их наиболее пессимистических выводов. Одной из главных предпосылок его мысли было ощущение крайней трудности и при этом абсолютной необходимости установления порядка и гармонии в каждом государстве³¹. Соответственно, кульминационным пунктом книги III, посвященной анализу политических институтов, становится воспевание необходимости «во всем» «добиваться подходящего и достойного порядка и считать неразбериху и распри самыми ужасными и подлыми из всех вещей» (Bodin 1962, р. 386). Вслед за этим в начале книги IV — о расцвете и упадке государств — обсуждается вопрос об установлении системы правосудия и о хрупкости любого политического порядка. Боден, возможно, извлекал вывод о постоянно существующей опасности анархии из своего собственного опыта, поскольку был свидетелем Варфоломеевской резни, в которой едва не погиб (Chauviré 1914, р. 35). Он мог также усвоить этот урок из чтения Макиавелли, акцент которого на неумолимом движении всех королевств и республик к разложению и краху повторяется на всем протяжении «Шести книг». В чем бы ни заключалась причина его страхов, он был убежден, что «состояние расцвета» любого государства не может быть «сколько-нибудь продолжительным» из-за непрестанных «перемен в мирских вещах, непостоянных и ненадежных» (Bodin 1962, р. 406).

Исходя из представления о хрупкости «порядка» и первостепенной необходимости его поддержания, Боден считал своей главной идеологической задачей в «Шести книгах» критику и опровержение гугенотской теории сопротивления, которую он рассматривал как величайшую угрозу для восстановления монархического порядка во Фран-

31. Это особо подчеркивается в Greenleaf 1973, р. 25; Villey 1973, р. 69.

ции³². Эта высшая цель лучше всего выражена в программных предисловиях, которыми снабжены издания его великой книги. Его приводит в ужас то, что подданные «вооружаются против государей», что подстрекательские сочинения «открыто используются как факелы для поджога государств» и объявляется, что «государи, ниспосланные человеческому роду провидением, должны изгоняться из своих королевств, обвиненные в тирании» (р. А71). Боден не устает напоминать, что главная цель его сочинений — дать ответ «опасным людям», которые под предлогом народной свободы пытаются «подтолкнуть подданных к мятежу против своих истинных государей, открывая дверь распущенности и буйной анархии, которые хуже самой жестокой тирании в мире» (р. А70).

Боден дает прямой и бескомпромиссный ответ: ни один публичный акт сопротивления подданного законному суверену не может иметь никакого оправдания. Эта позиция излагается им, главным образом, в ходе обсуждения различных типов правления в начале книги II. После различения (р. 200) трех форм монархии — «королевской», «господской» и «тиранической» — Боден приступает в главе V к вопросу, «законно ли применять насилие к тирану» (р. 218). Прямо указывая на революционные сочинения гугенотов, он замечает, что в последнее время были «опубликованы» книги, в которых говорится, что «подданные могут восстать с оружием в руках против государя», если посчитают его тираном, и законно «убрать его»

32. Мнение о том, что «Шесть книг» «не могут быть вполне поняты, если не увидеть в них идеологической реакции на явную угрозу со стороны нового конституционализма» гугенотов после 1572 г., убедительно изложено в Salmon 1973, pp. 361, 364. В Franklin 1973 приведенные цитаты даются на странице vii. См. также pp. 50, 93. Своей точкой зрения я во многом обязан этим двум ценным исследованиям.

во имя общественного блага (р. 224). Эти утверждения он отмечает как совершенно неприемлемые, заявляя, что никогда не может быть законным «для любого отдельного подданного или всех их вместе предпринимать что-либо, в явочном порядке или опираясь на законы, против чести, жизни и достоинства суверена, даже если он совершил все возможные злодеяния и проявляет нечестивость и жестокость, которые не поддаются описанию» (р. 222). Боден добавляет, что, «даже если кто-либо всего лишь допустит мысль о насилии» над суверенным государем, он «достоин смерти», пусть даже «ничего не сделал» (р. 222). И он заключает, всецело поддерживая мнение Цицерона, что не существует причины столь «справедливой или достаточной, чтобы взять в руки оружие и обратить его против своей страны» (р. 225).

Разъяснив главную доктрину, Боден может позволить себе либерализм на периферии своей теории и делает две оговорки. Поскольку он обсуждает только законное правление, то признает, что правитель, являющийся тираном *ex defectu tituli*, по незаконному способу приобретения власти, в том смысле, что он узурпатор, всегда может «быть законным образом лишен жизни» «всеми людьми или любым отдельным человеком» (р. 219). Другой, менее традиционной оговоркой является то, что когда речь идет об отношениях между подданным и его сувереном, то законному правителю, впадающему в тиранию, можно законным образом сопротивляться, прибегая к помощи иностранного государя. Боден считает не только «законным для любого чужестранца убить тирана», но и похвальным деянием (с чем впоследствии соглашался Гроций) для «доблестного и достойного государя» вторгнуться в земли такого правителя, чтобы «защитить честь, имущество и жизни тех, кто несправедливо угнетается властью сильных» (pp. 220–221).

Вместе с тем Боден абсолютно твердо настаивает на том, что ни одно из этих исключений не должно бросать ни малейшей тени на его главный аргумент. Когда радикальные кальвинисты попытались воспользоваться его мнением о роли государей-освободителей (аргумент, который повторяется в нескольких революционных трактатах 1570-х гг.), Боден опубликовал «Апологию», в которой повторил свои самые абсолютистские выводы и с негодованием отверг обвинение в том, что он поддерживает идею иностранного вторжения во Францию (Franklin 1973, p. 95 и прим.). В противовес гугенотам он заявляет, что «незаконно для человека не только убивать суверенного государя, но и восставать против него без особого и несомненного заповедания Божьего» (Bodin 1962, p. 224). Он добавляет, возможно, не вполне искренне, что все протестанты должны придерживаться той же доктрины, поскольку она высказана Лютером и Кальвином. Боден настаивает (причем ошибочно), что, когда немецкие князья спросили Лютера, законно ли сопротивляться императору, он «прямо сказал им, что незаконно, о какой бы тирании и каком бы нечестии ни шла речь» (p. 225). И он отвергает право на сопротивление, которое Кальвин допускает для «эффоральных» властей, указывая, что Кальвин говорит только о «возможности» сопротивления и даже это не считает «законным в подлинной монархии» (p. 225).

Нападки на теорию и практику гугенотской революции подводят нас к сути позитивных доктрин, изложенных в «Шести книгах», и обсуждению суверенитета, который Боден трактует как «главный и самый необходимый вопрос для понимания природы государства». Боден признает, что если правитель «не абсолютный суверен», то его подданные «вне всякого сомнения» могут законным образом сопротивляться ему и «вершить правосудие над ти-

раном» (р. 221). Однако, поскольку высшей целью правительства является обеспечение «порядка», а не свободы, любой акт сопротивления подданного должен быть полностью запрещен ради сохранения хрупкого здания государства. Логика идеологической позиции Бодена приводит его к заявлению, что в любом политическом обществе должен быть суверен, который абсолютен в том смысле, что он повелевает, но сам никогда не повелеваем и потому не противодействуем ни одним из своих подданных. Вывод полностью сформулирован в книге I, главе 8 — «О суверенитете»³³. Боден начинает с определения суверенитета как «высшей, абсолютной и вечной власти над гражданами и подданными в государстве» (р. 84). Затем он поясняет, что, называя суверена «абсолютным», он имеет в виду, что, даже если его повеления «несправедливы и бесчестны», «подданные все равно не могут законным образом нарушать законы своего государя» или любым другим способом противиться ему «под предлогом защиты чести или справедливости» (р. 105). Короче говоря, суверен по определению обладает иммунитетом от законного сопротивления, ибо тот, «в ком пребывает суверенитет», «не отчитывается ни перед кем, кроме бессмертного Бога» (р. 86). Тем самым закладываются все основания для более поздней конструкции Гоббса — его «великого Левиафана» как «смертного Бога», которому «мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» (р. 227).

Аргументы Бодена в этой ключевой главе во многом напоминают аргументы легистов, которых мы уже обсуждали, и есть все основания для того, чтобы охарактеризовать трактат «Шесть книг» как продолжение и развитие абсолютистских

33. Bodin 1962, р. 84. Как подчеркивает Салмон, в этом смысле теория суверенитета Бодена является *thèse de circonstance*, ситуативной; ср. Salmon 1973, pp. 3–8.

притязаний таких теоретиков, как Шассенё и особенно Дюмулен, которые с восторгом цитируются в предисловии к «Методу». Дюмулен восхваляется в «Шести книгах» как один из «князей правовой науки» и «украшение нашей юриспруденции»³⁴. Однако, несмотря на явное влияние со стороны необартолистов, Боден изменяет в двух отношениях основания их аргументации, а также усиливает их доводы, предлагая новый и гораздо более убедительный способ легитимации нарождающегося абсолютистского государства.

Во-первых, он трактует доктрину непротивления как аналитическое следствие из понятия суверенитета, а идею абсолютного суверенитета — как аналитическое следствие из понятия государства³⁵. Это важный шаг в развитии абсолютистской политической мысли. Как мы видели, анализируя высшую власть, легисты перечисляли по пунктам «признаки» суверенитета, которые вместе могли бы составить идею абсолютизма. Верно, что в «Шести книгах» имеется достаточно традиционная глава, в которой Боден приводит аналогичные девять «истинных признаков суверенитета»: власть издавать законы, объявлять войну и мир, назначать высших магистратов, заслушивать апелляции в последней инстанции, жаловать помилования, принимать оммаж, чеканить монету, регулировать веса и меры и устанавливать налоги (pp. 159–177). Но главная посылка в главе о суверенитете гласит, что идея супрематии в государстве не может быть адекватно понята через простое изучение способа, каким в ходе исторического развития возникла эта правовая мозаика. Боден начинает с того, что настаивает на применении правильного подхода, состоящего в *определении* того, «что та-

34. См. Bodin 1945, p. 5; Bodin 1962, pp. A71, 108.

35. Об этом способе рассуждения см. Church 1941, p. 226; Franklin 1973, pp. 23, 93.

кое величество или суверенитет», через размышление о самих понятиях государства и политической супрематии (р. 84). Боден похвально, что до сих пор ни один «юрист и ни один политический философ» не сумел дать такого определения, а ему это удалось сделать (р. 84) и он доказал, что государство должно определяться как «законное правление многих семей» с помощью «высшей и бессрочной власти» (р. 1; ср. р. 84). Суверенитет, на его взгляд, означает «высшую, абсолютную и бессрочную власть над гражданами». Таким образом, абсолютная и неподотчетная форма власти, которой Боден дополняет идею суверенитета, должна по определению осуществляться некоторым индивидом или некоторой группой в рамках любого объединения, которое, собственно, и следует называть государством (р. 84).

Этот новый подход, в свою очередь, приводит к тому, что Боден отвергает традиционную типологию форм правления, которой придерживались легисты. Этот вопрос рассматривается в начале книги II, в главе «Разновидности государств» (р. 183). Цитируется Полибий, популяризатор деления государств на семь типов: три «достойных одобрения» (монархия, аристократия и демократия), три «ошибочные» версии предыдущих типов и «седьмой тип, смесь первых трех» (р. 184). Боден отмечает, что некоторые новые авторитеты, включая Макиавелли и сэра Томаса Мора, подтверждают правильность этого деления, признавая при этом наиболее достойной формой «смешанное государство» (р. 184). После чего пишет, что, делая такой вывод, все эти авторы «ошибаются и обманывают самих себя» (р. 184). Как он установил, «высшая и бессрочная» власть суверенитета должна по определению принадлежать некоторому индивиду или некоторой группе в рамках государства. Это подразумевает, что классификация форм правления должна проводиться исключительно по числу лиц, обладаю-

щих суверенитетом. А это, в свою очередь, означает, что возможны только «три состояния или рода государств» — монархия, аристократия и демократия, которые различаются между собой тем, кому принадлежит суверенитет: одному человеку, несколькими лицам или всем гражданам (р. 184). Поэтому «смешанное государство» следует считать «вещью невозможной», и Боден завершает свое рассуждение доказательством того, что все приведенные примеры «на самом деле сводятся к монархиям, аристократиям и демократиям» (pp. 184–185).

Второй новацией Бодена является утверждение, что суверенитет должен носить в основном законодательный характер. Это также представляет собой решительный отход от аргументов более ранних легистов, которые склонялись к трактовке правителя как, по сути, судьи и считали главным «признаком» суверенитета право назначать всех других магистратов. Как мы видели, этого взгляда ранее придерживался и сам Боден в «Метод», опубликованном в 1566 г. Но десять лет спустя, завершив «Шесть книг», он пришел к совершенно современному юридико-позитивистскому выводу, что высшим (и в каком-то смысле единственным) «признаком» суверенитета должно быть «издание законов для всех подданных без их согласия» (р. 98). Эта мысль развивается в главе «Истинные признаки суверенитета» (р. 153). Боден начинает с утверждения, явно имея в виду легистов, что даже те, кто «лучше всего писал» об идее государства, не сумели «прояснить этот вопрос» (р. 153). «Первым и главным признаком суверенного государя», повторяет он, таким, который содержал бы все другие признаки как свои аспекты или следствия, должна быть власть «издавать законы для всех подданных», не требующая согласия «никого другого, более сильного, равного или более слабого» (р. 159).

Эта точка зрения подразумевает отрицание ортодоксального взгляда, которого все еще придержи-

живались многие легисты, что, поскольку правитель по сути своей судья, его главной функцией должна быть защита правосудия, воплощенного в законах и обычаях государства. Напротив, пишет Боден, понятие позитивного закона должно определяться «без какого-либо дополнения» как «повеление суверена, касающееся всех его подданных». Таким образом, настаивает он, делая эпохальное в своей недвусмысленности заявление, «законы суверенного государя, хотя и имеют здравые и веские причины, зависят, тем не менее, единственно от его явно выраженного волеизъявления» (pp. 92, 156). Наконец, он подчеркивает, что это, в свою очередь, означает, что любой суверен должен быть по определению *legibus solutus* — полностью «свободным» от любого обязательства подчиняться позитивным законам государства (p. 91). Суверен, вне всякого сомнения, «свободен от законов своих предшественников», поскольку в противном случае его суверенитет был бы нарушен (p. 91). И он ни в коем случае не «подлежит собственным законам», поскольку «не бывает обязательства, выполнение которого зависит исключительно от воли того, кто обещал его выполнить» (p. 92).

Остается выяснить, каким образом Боден доказывает свой вывод, что абсолютная и неоспоримая форма законодательного суверенитета должна по определению располагаться в конкретном месте в каждом подлинном государстве. Рассмотрим применение им гуманистических методов к изучению публичного права. Боден начинает с того, что признает справедливость гуманистической критики бартолистского правоведения, которая проводилась конституционалистскими теоретиками 1560-х гг. Традиционная точка зрения, что он выступал против этих концепций и был на стороне сил бартолистской реакции, когда преподавал право в Тулузе в 1554 г., признана «несомненной выдумкой» (Mesnard 1950, p. 44). К тому времени,

как в конце 1540-х гг. он начал получать образование в области права, последователи *mos docendi Gallicus* уже одержали победу в Тулузе, и из собственных сочинений Бодена ясно, что он согласился с их выводами. Иначе говоря, он полагает, что римское право — это не *ratio scripta*, не основание писаного закона, но всего лишь кодекс законов конкретного древнего общества, требующий разъяснения с помощью специальных филологических и исторических методов гуманистов. Как выясняется из предисловия к «Методу», он испытывает презрение к попытке бартолистов «вывести принципы универсальной юриспруденции из римских декретов» и считает сущим «абсурдом» любую попытку основывать правоведение на «законодательстве отдельного государства» (Bodin 1945, p. 2).

Однако в 1560-х гг., когда Боден оставил академические исследования права и занялся адвокатской практикой в Париже, он пришел к мнению (пишет он в предисловии к «Методу»), что гуманистические юристы все больше и больше превращаются в секту и вследствие этого неспособны решиться на реформу правоведения. Занимаясь исправлением анахронизмов в бартолистском понимании римского права, они позволили себе отвлечься на чисто исторические и филологические тонкости (Kelley 1973b, p. 133). Наихудшим из них оказывается не называемый по имени Кюжá, которого Боден подвергает критике в предисловии к «Методу» как предводителя тех, «кто предпочитает, чтобы их считали грамматиками, а не правововедами», а позднее осуждает его, теперь уже называя по имени, в предисловии 1578 г. к «Шести книгам» за увлечение «школьными диспутами о словах и тривиальных предметах»³⁶. Согласно Бодену, всепоглощающий интерес к «числу слогов» привел к тому, что гуманисты начали пренебрегать

36. См. Bodin 1945, p. 7; Bodin 1962, p. A71.

двумя главными задачами, существенно важными для построения подлинной правовой и политической науки³⁷. Во-первых, методы гуманистов должны были бы применяться в изучении не только древнеримской, но и всех других известных систем права. Следовало бы «собрать вместе и сравнить законодательные структуры всех государств». Второй существенно важной задачей является изучение гораздо более обширной области «обычаев народов», существующих во всех самых успешных королевствах и республиках с целью, не более и не менее, сравнительного анализа «рождения, роста, условий, изменений и падения государств»³⁸.

Согласно Бодену, осуществление этого чрезвычайно амбициозного предприятия требует принять программу, состоящую из двух частей. Во-первых, необходимо собрать все относящиеся к делу данные. Боден говорит в предисловии к «Методу» о необходимости изучения законов и общественного строя Персии, Греции, Египта, Рима и древнееврейского государства, а также современных ему Испании, Англии, Италии, Германии, Турции и Франции (р. 3). Похоже, что ко времени публикации десять лет спустя «Шести книг» этот героический план был выполнен. Вторая существенно важная часть программы — которую, сетует Боден, вряд ли кто-либо и когда-либо пытался осуществить — состоит в «расположении материалов в правильной последовательности и в отшлифованной форме», начиная с «главных типов и разделов» закона, затем устанавливая «постулаты, на которых покоится вся система», и завершая дефинициями и правилами (pp. 1–3). К тому времени как Бо-

37. В изложении особенностей методологии Бодена и их связи с его политической мыслью я во многом опираюсь на работы Kelley 1973b и особенно на Franklin 1973.

38. Об этих взглядах см. предисловие к «Методу» (Bodin 1945, pp. 2, 8).

ден составил план «Шести книг», эта вторая задача также была выполнена, по крайней мере с его собственной точки зрения. Верно, что Боден часто подвергался критике за «хаотичность» и «беспорядочность» изложения аргументов³⁹. Но можно показать, что такие суждения основаны на непонимании принципов классификации, использованных в «Шести книгах». Если подойти к его работе с точки зрения антиаристотелианских канонов рамистой логики и начинать, как советовал Рамус, с дефиниции рассматриваемой области, а затем делить каждый вопрос на два подвопроса, мы обнаружим, что первая половина «Шести книг» организована вокруг типично рамистских категорий — «изобретения» и следующих за ним «диспозиции» или суждения (Duhamel 1948–49, pp. 163–171; McRae 1955, p. 319). В первой книге выбирается предмет рассмотрения — системы правления, которые затем подразделяются на частные (семью) и публичные (государство). Во второй книге государство разделяется на все возможные формы, а в третьей книге на составные части разделяется его внутренняя организация. И наконец, мы приходим к «гражданам», окончательным единицам, к которым сводится предмет политической науки.

Программа сбора данных и логической систематизации диктуется двумя «научными» целями, достижение которых равнозначно, согласно Бодену, построению подлинной науки о политике. Первая цель — дать индуктивно обоснованное описание всех переменных, которые, хотя и не подвластны человеку, воздействуют на судьбу государств и, таким образом, «обладают большим весом и значимостью для верной оценки законодатель-

39. Это особенно верно в отношении ранних комментариев. О мнениях, цитированных выше, см. Chauviré 1914, p. 487; Allen 1957, p. 404.

ства»⁴⁰. Боден фактически анализирует гуманистическое понимание судьбы: он рассматривает естественные и оккультные причины подъема, расцвета и падения государств с тем, чтобы каждый законодатель сознавал ограничения, в рамках которых он должен действовать, и тем самым был способен принимать наиболее подходящие законы для своего собственного государства. В результате в книгах IV и V дается обзор *naturels*, природных факторов, объясняющий судьбы государств влиянием звезд и мистических чисел, а кульминацией становится исследование климата как причины разнообразия обычаев, религий и общественного устройства в трех климатических зонах цивилизованного мира. Иногда утверждается, что систематическое исследование влияния природных причин было заслугой Монтескье и даже что «все в целом изучение истории юриспруденции начинается с “L’Esprit des Lois”» (Martin 1962, p. 152). Но при этом упускается из виду, как много Монтескье почерпнул из уже существовавшей и широко распространенной традиции, которую Боден довел до изощренности и завершенности, вряд ли превзойденных автором «Духа законов».

Другая «научная» цель Бодена полностью отличается от исследования моральной относительности. Боден стремится найти (в чем-то подобно Парето) «осадок», который лежит в основе внешнего разнообразия правового и политического устройства, фундамент, который можно обнаружить с помощью сравнительного и исторического исследования всех известных государств. Поскольку, как подчеркивается в предисловии к «Методу», «лучшая часть универсального права скрыта», установить, в каких законах *нуждается* государство, можно индуктивным методом, изучая, какими законами располагали самые успешные госу-

40. См. предисловие Бодена к «Методу» (Bodin 1945, p. 8).

дарства. Конечной целью его стремления «собрать вместе и сравнить законодательные структуры всех государств» является, таким образом, установление «научным образом» содержания «общего права всех народов» и нахождение того, какими чертами должна *ex hypothesi* обладать любая удовлетворительная система права (Bodin 1945, p. 2).

Эти послылки, взятые вместе, помогают понять, почему Боден считает доказанным ключевое суждение «Шести книг», гласящее, что в любом жизнеспособном государстве должна существовать абсолютная и неоспоримая суверенная власть. Согласно его социологическим и историческим изысканиям, существование такой власти является главной чертой правовых систем «Франции, Испании, Англии, Шотландии, Турции, Московии, Тартарии, Персии, Эфиопии, Индии и почти всех царств Африки и Азии» (Bodin 1962, p. 222). А согласно методологии, руководящей его исследованиями, подтверждение этого вывода несомненными эмпирическими данными равнозначно выводу о том, что воплощение в жизнь в любом политическом обществе именно такой формы власти является необходимым условием возникновения подлинного государства.

Понятие суверенитета находится в центре не только политической системы Бодена, но и споров, который ведут интерпретаторы «Шести книг». Проблема в том, насколько далеко, с точки зрения Бодена, должны были распространяться полномочия суверена, чтобы их можно было считать абсолютно безграничными. Все старые комментаторы, пишет Гирке, соглашались, что Боден «полностью уничтожил идею конституционного государства»⁴¹. Однако вполне возможно, что если мы подойдем

41. См. Gierke 1939, p. 158, и похожие суждения ср. в Hearnshaw 1924, pp. 124–125. Многочисленные мнения авторитетных исследователей приведены в Lewis 1968, p. 214.

к концепции Бодена, помня о *la police, la religion* и *la justice*, то найдем в ней ряд сознательно сохраненных важных элементов этих ограничений абсолютизма⁴².

Как и у ранних легистов, в одном отношении *la police* несомненно сохраняется. Это сдерживающий фактор *Leges Imperii*, два фундаментальных закона Франции, «которые касаются состояния монархии и установлены» таким образом, чтобы «государь не мог от них отступить» (р. 95). Первым является Салический закон, гарантирующий наследование по мужской линии, который Боден защищает в книге VI, утверждая в духе Нокса, что «власть и правление женщин прямо противоречат закону природы» (р. 746; ср. pp. 753–754). Второй закон предписывает, что даже в абсолютной монархии правитель может «только пользоваться», но не владеть монаршим доменом (р. 653). Это, в свою очередь, означает, что «все монархи и государства придерживаются общего и несомненного закона», согласно которому земли, данные суверену для того, чтобы он мог «существовать самостоятельно», не могут быть заложены, отчуждены или проданы, поскольку представляют собой часть «публичного дохода» и как таковые «святы, неприкосновенны и неотчуждаемы» (р. 651).

Иногда высказывается мнение, что такая трактовка закона об отчуждении фиска говорит о путани-

42. Современные комментаторы склонны считать, что защита Боденом абсолютно неограниченного суверенитета традиционно преувеличивалась. См., напр., Shepard 1930, pp. 585, 588–589, и позднее Giesey 1973, p. 180; Salmon 1973; и Franklin 1973. Эти оценки, впрочем, имеют в виду внутреннее свидетельство за и против конституционалистской интерпретации мысли Бодена. Мы же следуем другому подходу, а именно вспоминаем о традиционных ограничениях, которые налагаются на абсолютный суверенитет, и используем их как критерий, с помощью которого может реально оцениваться доктрина Бодена.

це в теории суверенитета Бодена (например, Sabine 1963, p. 408). Но Боден предусмотрительно подчеркивает, что запрет на отчуждение является частью определения суверенитета. Он согласен, что у суверена должны быть материальные средства для правления. Кроме того, продолжает он, эти средства должны предоставляться специальным пожалованием, поскольку сам он ими не владеет. С учетом этого нет никакой путаницы в выводе о том, что даже абсолютный суверен не может отчуждать собственность, предоставленную ему таким способом. Поскольку домен прилагается к суверенитету, а не к суверену, он сохраняет статус публичного дохода и никогда не превращается в частную собственность самого суверена. И поскольку из этого следует, что настоящим собственником домена всегда выступает государство, а не правитель, нет никакой непоследовательности в том выводе, что даже самый абсолютный суверен не имеет прав на отчуждение, подобно тому как он не вправе распоряжаться собственностью своих подданных (ср. Burns 1959, p. 176).

Сохраняя этот аспект *la police*, Боден продолжает настаивать на важной особенности связанных друг с другом сдерживаний *la religion* и *la justice*. Он пишет, что, хотя по *форме* позитивные законы — не более чем провозглашенная воля суверена, их *содержание* должно всегда соответствовать велениям природной справедливости (ср. Lewis 1968, p. 215). Из этого следует, что суверен во всех его публичных актах должен сдерживать подлинный закон, поскольку он обязан считать законы природы и законы Божьи главными ориентирами в защите системы природной справедливости⁴³. На этом

43. Как замечает Гизи, следующая из этого категория законов, которые являются «внешне светскими, а по сути природными», составляет «безусловно, самый важный элемент в любых возможных аргументах в защиту мнения о Бодене как конституционалисте». См. Giese 1973, p. 180.

ключевом ограничении, налагаемом на волю суверена, делается особый акцент в главе «О суверенитете». Заявлять, что абсолютный правитель «свободен от всех законов», значит забывать о «законах Божьих и законах природы», поскольку «все государи и народы в мире» должны подчиняться этим установлениям, и не «в их власти ставить их под сомнение», не совершая при этом «государственной измены божественному величеству» (р. 92). По сути дела, это означает, что государи связаны более строго, чем подданные, обязанностью повиновения законам природы и законам Божьим, ибо «не могут быть освобождены от них ни сенатом, ни народом, но подлежат трибуналу всемогущего Бога» (р. 104). Поэтому утверждать, «что государи не подлежат законам», не разъясняя, что это не относится к законам природы и законам Божьим, значит «наносить огромный вред Богу и природе» (р. 104).

Из этой доктрины следует ряд выводов, которые Боден подчеркивает особо. Прежде всего, каждый подданный обязан — вследствие высшего обязательства повиноваться законам Божьим — не подчиняться приказам суверена, которые противоречат этим законам или основанным на них законам природы. Этот вопрос ставится в книге III, в главе о повиновении магистратов (pp. 309–325). Боден продолжает считать, что, даже если приказы суверена противоречат законам природы, как и его собственным позитивным законам, о законном сопротивлении со стороны подданных не может быть и речи. Он даже настаивает, что, если «приказ государя не противоречит законам Божьим и законам природы», но всего лишь противоречит светским законам государства, магистрат не имеет права даже на пассивное непослушание, поскольку «не магистрату принадлежит право подтверждать или оценивать деяния государя, или идти против его решений, касающихся закона, который государь может, если сочтет нужным, отменить» (р. 313). Боден при-

знает, однако, что эта доктрина применима только к «светской справедливости и пользе», а не к ситуации, «в которой такие приказы противоречат законам природы» (р. 313). Если государь издает приказ, противоречащий этим высшим законам, то не только магистрат, но и весь народ обязан проявить неповиновение, поскольку «слава Божия» и необходимость соблюдения законов природы «должны быть для подданных выше и ценнее богатств, жизни и славы всех государей мира» (р. 324).

Долг суверена следовать велениям природного закона предполагает также, что на его поведение налагается ряд ограничений, два из которых Боден выделяет особо. Несмотря на то, что суверен — *legibus solutus*, он обязан соблюдать договоры, даже те, которые заключает со своими подданными (р. 106). Дело в том, что обязанность выполнять обещания диктуется законом природы. Боден писал, что «в государе нет ничего, что ставит его над подданным» в обязанности соблюдать высший закон (р. 93). Поэтому он весьма категоричен, заявляя, что «не следует нарушать законы и договоры суверенных государей». В то время как закон зависит от «воли и желания того, кто обладает суверенитетом», любой договор «между государем и его подданными является взаимным и связывает обе стороны, чтобы никто не мог с его помощью нанести ущерб другой стороне или сделать что-либо без ее согласия» (р. 93).

Боден также подчеркивает обязанность суверена уважать неотъемлемое право подданных на частную собственность. Это ограничение, налагаемое на *Imperium* со стороны *Dominium*, следует из его убеждения, что семья является источником и сутью государства. Государство без семей, говорит он, подобно «городу без домов» (р. 8). Но если мы не можем вообразить государство без семей, то его не существует и без частной собственности, поскольку «общность всех вещей» «несовместима с правом семей», кото-

рым собственность необходима для поддержания своего материального существования (р. 11). Возражение, часто выдвигаемое в этом пункте схоластами, что законы природы устанавливают первоначальную общность имущества, с легкостью опровергается апелляцией к декалогу, который «прямо запрещает нам красть» (р. 11). Это доказывает, что частная собственность на самом деле предполагается законом природы, а платоновский идеал «общности всех вещей» ошибочен. Предписания декалога, пишет Боден, открывают, что все государства были «назначены Богом», чтобы сделать общим то, что действительно является общим, и в то же время оставить «каждому отдельному человеку то, что находится в его личной собственности» (р. 11).

Вывод из этих посылок, касающийся отношений между *Imperium* и *Dominium*, излагается в ключевой главе «О суверенитете». Вначале Боден повторяет, что «ничто в религиозном смысле не запрещается Божьими законами более строго, чем грабеж и мародерство» (р. 109). Затем он напоминает, что даже «суверенный государь не может избавиться от уз», наложенных «вечными законами природы» (р. 109). Поэтому, заключает он, те, кто говорит, что «суверенный государь обладает властью забирать имущество другого человека», проповедают доктрину, противоречащую законам Божьим (р. 109). Даже самый абсолютный суверен не имеет права «брать или отдавать имущество без согласия его владельца» (р. 110). Поэтому максимум «все принадлежит государю» следует понимать как относящуюся к «власти и суверенитету», ибо даже в самой абсолютной монархии «собственность и владение принадлежащими человеку вещами должны все же сохраняться за ним самим» (р. 110).

Как вынужден признать Боден, защита частной собственности влечет за собой неудобное практическое следствие для теории абсолютного суверенитета. Если законы Божьи не позволяют, чтобы

суверен отнимал у подданного имущество, то взимание налогов, по-видимому, разнозначно конфискации, которая не имеет оправдания, если подданные по какой-то причине не дают на нее своего согласия. Боден не пытается уйти от этого вывода и последовательно отстаивает точку зрения, что налогообложение требует явно выраженного согласия и что следует по возможности избегать новых налогов. Эту точку зрения он излагал публично, когда был избран в Генеральные штаты в 1576 г., о чем несколько раз с довольно комичным тщеславием упоминает в «Шести книгах». Когда Генрих III попытался оказать давление на сословия, чтобы получить дополнительные средства, Боден, ранее находившийся в фаворе, по-видимому, лишился благосклонности двора, твердо заявив в ряде речей, что депутаты должны отклонить требование повысить налоги (Ulph 1947, p. 292; ср. p. 289). Мотивы такой позиции проясняются под конец «Шести книг», в пространной главе «О богатстве» (pp. 649–686). Боден соглашается, что, когда государство «внезапно подвергается нападению врага или случается какое-то другое неожиданное бедствие», расходы, «которые в этом случае возлагаются на граждан», являются «религиозными и праведными», потому что без них государство может «погибнуть» (p. 663). Но он предостерегает королей Франции, что, поскольку владение собственностью является правом по закону природы, даже самые абсолютные государи не имеют власти «навязывать поборы» «или получать такое право без согласия подданных» (p. 665). Боден добавляет, что «ничто не приводит к волнениям, мятежам и гибели государств скорее, чем чрезмерные поборы и налоги», свидетельством чего стало происходящее в настоящее время восстание в Нидерландах⁴⁴.

44. Бодена часто обвиняли в том, что он противоречит самому себе, поскольку его аргумент вряд ли совместим с его пер-

Таким образом, ясно, что, если мы сосредоточимся на трактовке Боденом традиционных сдерживаний *la police, la religion* и *la justice*, то найдем целый ряд конституционалистских элементов, которые продолжают существовать даже внутри внешне монолитной конструкции «Шести книг». Не менее очевидно, однако, что в период между публикацией «Метода» в 1566 г. и изданием «Шести книг» десять лет спустя Боден серьезно изменил свою точку зрения на права подданных⁴⁵. В «Шести книгах»

воначальной концепцией суверенитета как власти «давать законы всем подданным без их согласия» (р. 98). Аллен пишет, что находит все в целом обсуждение налогообложения «сбивающим с толку», а Франклин настаивает, что «Боден был непоследователен» в этом вопросе. (См. Allen 1957, p. 410; Franklin 1973, p. 87.) Вольф недавно попытался найти причины этой непоследовательности. Аргументация Бодена, считает он, должна оцениваться в свете его фундаментальной приверженности французской монархии. Боден считал налогообложение главной причиной волнений и полагал, что в своей политике корона должна любой ценой стремиться к миру. Поэтому, полагал он, на пути взимания налогов должны воздвигаться самые высокие барьеры, какие только возможны, и считал это способом защиты монархии. (См. Wolfe 1968, pp. 277–284.) Объяснение Вольфа остроумно, однако вполне возможно, что серьезной непоследовательности вообще нет и объяснять здесь просто нечего. Ибо можно найти доводы в пользу того, что обсуждение Боденом налогообложения обнаруживает не столько ошибку в построении им теории суверенитета, сколько еще один пример того, что эта ошибка является преднамеренной и, в частности, подтверждает его заявление, что права абсолютного суверенитета должны всегда умеряться законами природы.

45. Верно, что это не бесспорное утверждение. Старые авторитеты, такие как Шовире, склонялись к тому, чтобы говорить о «глубокой преемственности» аргументов «Метода» и «Шести книг», и эту интерпретацию недавно возродил Кинг в своем обзоре политической мысли Бодена (см. Chauvire 1914, p. 271; ср. King 1974, pp. 300–310). Кинг, в частности, спрашивает, является ли приверженность Бодена абсолютизму «В шести книгах» «более выраженной», чем в «Метод», и отвечает, что «это не поддается оценке» (р. 303). Однако, как я пытаюсь доказать, от-

он сознательно отказывается от всех особых конституционных гарантий, которые стремился установить в «Метод», и с явным смятением отступает на позиции несгибаемого защитника монархического абсолютизма⁴⁶.

Защищая *Leges Imperii*, Боден в «Шести книгах» полностью отказывается от *la police*. Как мы видели, суть этого сдерживающего фактора состояла в предложении ограничить короля законами, основанными на обычае, — до такой степени, что Франция относилась Сейселем к числу смешанных государств. Боден считает теперь, что те, кто называет французскую монархию «смешанной и состоящей из трех видов государства», высказывают «мнение не только абсурдное, но и караемое смертью», поскольку «ставить знак равенства между подданным и королем значит совершать государственную измену» (р. 191). Его собственная точка зрения состоит в том, что закон и обычай необходимо отделить друг от друга так, чтобы автоматически исключить саму идею ограничения, посредством обычая, права издавать законы. Многие люди, признает он, склонны допускать, что «обычаи имеют почти такую же силу, как законы», хотя и «не зависят от су-

каз проводить различие между двумя книгами мешает заметить изменения, которые вносит Боден при рассмотрении ключевого конституционного вопроса: могут ли быть законно и институционально ограничены властные полномочия французской монархии.

46. Об этой интерпретации см. Reynolds 1931, p. 182. Точка зрения Рейнолдса развита в Salmon 1973, pp. 365–371; Franklin 1973, pp. 54–69. В последующем изложении я в основном соглашаюсь с этими ценными соображениями, хотя убежден, что Салмон (например, p. 378), возможно, преувеличивает степень, в которой изменения во взглядах Бодена объясняются желанием дать отпор революционным гугенотам 1570-х гг. Вполне возможно, что еще одним мотивом было стремление отринуть свое прежнее «я» и подвергнуть критике все в целом движение к конституционализму, получившее распространение среди французских политических авторов в 1560-х гг.

ждения или власти суверенного государя» (р. 160). Но он сразу же отвергает оба аргумента, предполагаемые этим убеждением (р. 160). Власть обычая совершенно не похожа на власть закона, ибо «обычай не имеет другой силы, кроме дозволения, и действует, пока это угодно суверенному государю», который, в свою очередь, обладает исключительным правом превращать обычай в закон, «утверждая его своей волей». Более того, власть обычая несомненно зависит от государя, ибо «вся сила закона и обычая основана на власти того, кто обладает суверенитетом в государстве» (р. 161).

Отказавшись от сдерживания *la police*, Боден после этого отказывается от всех ограничений, которые в 1560-х гг. были возрождены теоретиками конституционализма в противовес легистам и обсуждались под названиями *la religion* и *la justice*. Боден сам доказывал в «Методe», что правитель нуждается в согласии трех сословий для изменения любого глубоко укорененного обычая или какой-то древней процедуры. Но теперь он считает, что, хотя законы Франции обычно не менялись иначе, как «решением генеральной ассамблеи трех сословий», «королю нет нужды опираться на их совет», и он всегда может «поступать вопреки тому, что они требуют, если это диктуют природный разум и справедливость» (р. 95). Кроме власти не давать своего согласия в вопросах, касающихся налогообложения, сословия не имеют власти ни приказывать, ни определять, ни предоставлять голос ничему, кроме того, что угодно королю» (р. 95). Поэтому, когда король Франции — или Испании, или Англии — созывает сословия, он всего лишь признает, что «будет учтиво» в отношении дела законодательства «совершать его, опираясь на благорасположение сената». Это не означает, что «суверенный государь связан одобрением или не может самостоятельно издавать закон, не прибегая к власти или согласию сословий или народа» (р. 103).

Наконец, Боден особенно твердо подчеркивал в «Метод» необходимость правовых (в отличие от представительных) ограничений властных полномочий французской короны. Но теперь все три сдерживания им аннулируются. Ранее он настаивал, что король связан прежде всего своей коронационной клятвой. Однако ко времени написания «Шести книг» он был явно обеспокоен элективными следствиями этой доктрины, которые уже использовались в то время кальвинистскими революционерами. Беза и Отман были воодушевлены клятвой арагонцев, из которой следовало, что люди должны повиноваться правителям лишь до тех пор, пока правители выполняют свои обещания, а «если нет, то и нет» (Giese 1968, pp. 20–24). Боден ссылается на эту клятву в «Шести книгах» и пишет, что те, кто к ней взывает, чтобы «привести в беспорядок законы и договор с государем», опасно заблуждаются (Bodin 1962, p. 92). Единственное ограничение, которое может связывать суверена, — это его обязательство действовать так, как «требуют справедливость и правосудие» (p. 94). Это, в свою очередь, означает, что любой «суверенный государь» должен быть всегда свободен, не навлекая на себя обвинения в клятвопреступлении, «нарушать и отменять» любые данные им клятвы или обещания, когда обнаруживает, что они перестали быть «разумными и справедливыми» (p. 94). Отменить эту дискреционную власть и настаивать на том, что «государи должны быть связаны клятвами соблюдать законы и обычаи страны», значит «ниспровергать все права суверенного величества» (p. 101).

Боден также доказывал в «Метод», что Парижский парламент имел право ветирования любого предложенного законодательного акта, так что любые несправедливые эдикты короля всегда могли быть «забракованы» судом (Bodin 1945, p. 254). Ко времени публикации «Шести книг» он начал рассматривать это как «ложное», да к тому же еще

и пагубное мнение (Bodin 1962, p. 323). Боден понял к тому времени, что одним из главных аргументов тех, кто желал «с оружием в руках восстать против своего государя», было предложение дать судьям право отказываться «подтверждать и приводить в исполнение эдикты и приказы государя» (p. 323). Теперь он настаивает, что такая доктрина не просто «противоречит правильному порядку и закону», но свидетельствует о полном непонимании конституционной истории Франции. Истоки правильных отношений между короной и парламентом необходимо искать в правлении Филиппа Справедливого, который «превратил парламент в обычный суд», чтобы «возложить на себя ведение государственных дел» (p. 266). Следующий решающий шаг был сделан, когда король «рекомендовал суду заниматься только разрешением споров и справедливым отправлением равного для всех правосудия», предупредив судей, чтобы они «не становились его воспитателями или защитниками государства» (p. 266). Те же отношения в конце концов были подтверждены при Франциске I, издавшем указ, «согласно которому Парижскому парламенту запрещалось» каким-либо образом «подвергать сомнению законы или указы, поступающие от короля и касающиеся государственных дел» (p. 267).

Третьим и последним сдерживанием, на котором настаивал Боден в «Методe», была независимость судей и запрет на смещения их с должностей по каким-либо причинам, кроме совершения ими серьезных преступлений. В «Шести книгах» он все еще утверждает, что магистраты должны иметь гарантии пребывания в должности, но считает теперь, что их полномочия должны полностью зависеть от суверенного государя. Этот вопрос подробно обсуждается в книге III, в главе «Власть и полномочия магистрата», где еще раз приводится спор между Азо и Лотарем (pp. 325–342). Если в «Методe» Боден осторожно склонялся на сторону

Азо, то теперь он считает правильным «решить общий вопрос» спора признанием того, что все «магистраты и уполномоченные» являются «лишь исполнителями и служителями законов и государей» и не обладают независимой властью или «любой властью в этом смысле или в этом отношении им принадлежащей» (р. 333). Вопрос подытоживается в начале ключевой главы о понятии суверенитета. Несмотря на то что суверен всегда может делегировать свою власть, перед ним должна быть открыта возможность «взять на себя изучение и решение таких вопросов, которые он поручил магистратам или своим чиновникам», и в любое время «отобрать власть, данную им по поручению или назначению, или же оставить ее за ними так долго, как ему будет угодно» (р. 85).

Призыв к личному и абсолютному законодательному суверенитету сразу же вызвал широкий резонанс. Уже в 1580-х гг. Габриэл Харви замечал, что, «войдя в кабинет грамотея», вы почти наверняка, десять шансов к одному, застанете его за чтением или труда Леруа об Аристотеле, или «Шести книг» Бодена⁴⁷. В этот период концепцию суверенитета Бодена усвоили многие политические теоретики во Франции, в том числе Жан Дюре, Франсуа Гримоде и Пьер Грегуар, а чуть позднее Пьер де Беллуа, Жак Юро, Франсуа Леже и Луи Сервен (Church 1941, pp. 245–246). В этот список следует добавить и двух офранцузенных шотландцев — Адама Блэквуда и Уильяма Барклая. Оба они направляли свои аргументы против авторов, которых Барклай называл монархوماхами, или цареубийцами, в частности против своего соотечественника Джорджа Бьюкенена, самого радикального из всех кальвинистских революционеров. В результате этих нападок Барклай был впоследствии назван Локком в конце «Второго трактата» одним из величайших

47. См. Salmon 1959, p. 24; ср. Mosse 1948.

«адвокатов» «власти и священности королей», — характеристика, которую заслуживают и все другие французские авторы, защищавшие в то время абсолютизм (Locke 1967, р. 437). Все они соглашались с заявлением Бодена о том, что абсолютная форма законодательного суверенитета требует по определению своего расположения в каком-то определенном месте в государстве. К этому они добавляют протестантское по своему происхождению убеждение, что все власти прямо установлены Богом и потому любое сопротивление королю равнозначно противлению воле Божьей (ср. Church 1941, pp. 244–245). В результате объединения этих двух аргументов появляется концепция «божественного права» королей и окончательно складывается мировоззрение, ставшее позднее знаменитым благодаря Боссюэ во Франции и сэру Роберту Филмеру в Англии. Таким образом, под конец религиозных войн закладывается прочный фундамент идеологии, которая впоследствии будет использована для легитимации зрелого абсолютизма эпохи *le grand siècle*, золотого века.